

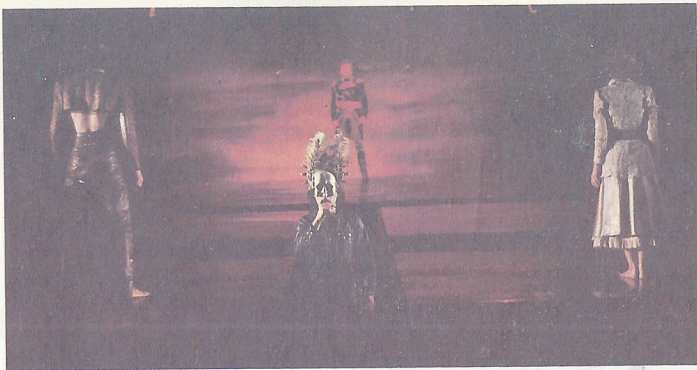
ПОСЛУШАЕМ ЭТУ ОПЕРУ

Авторы альбома пластинок «Юнона и Авось» С60—18627-30), на которых запечатлена опера Алексея Рыбникова по поэме Андрея Вознесенского «Авось» (он же — автор либретто), поставили перед собой очень сложную задачу. Заставить слушателя воссоздать в своем воображении «полнометражный» спектакль, да к тому же спектакль, который сегодня с огромным успехом идет на сцене Московского драматического театра имени Ленинского комсомола (режиссер Марк Захаров). Родион Шедрин сказал о нем: «Этот спектакль непременно надо видеть. Он свеж и многозначен. Умен и непривычен, броско зрелищен. На нашем театре состоялось произведение, где слово и мысль, музыка и танец, сценические эффекты, рисунок мизансцен, пластика жестов, изящество костюмов слиты в нерасторжимом органичном и естественном единстве».

Композитор Алексей Рыбников, имевший к тому времени уже немалый опыт работы в музыкальном кино и театре (вспомним его предыдущую работу в Театре имени Ленинского комсомола, а позже и в грамзаписи — «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» по поэме Пабло Неруды или музыку к кинофильмам «Красная Шапочка», «Приключения Буратино»), и его коллега звукорежиссер Юрий Богданов отнюдь не нарушили ту самую целостность, органичное и естественное единство, которое отметил Р. Шедрин. Просто они... перенесли все это красочное, по-настоящему гармоничное зрелище в мир звуков. Получилось нечто совершенно необычное — отличающееся от,

скажем, традиционного радиоспектакля, в котором с детства мы привыкли слышать ловко имитируемый шум морской волны, плеск ее и шорох прибрежной гальки, крики птиц и прочие «радиочуда», заставлявшие нас поверить в происходящее в эфире... Поистине зримо то действие, которое разворачивается в дискоопере, вдохновенно спетой Геннадием Трофимовым и Аней Рыбниковой (главные герои), Петером Тилсом, Феликсом Ивановым, Романом Филипповым, Олей и Жанной Рождественскими и другими актерами и певцами. Печальная и прекрасная история любви Николая Резанова, российского Колумба, мечтавшего в начале прошлого столетия «свесть Америку и Россию», но трагически погибшего, и юной Марии де ля Кончепцион де Аргуэльо, Кончитты, дочери губернатора Сан-Франциско, ждавшей своего суженого с шестнадцати до пятидесяти двух лет, а потом давшей обет молчания, поведена нам словом и музыкой. Счастливый дар Андрея Вознесенского, обладающего слогом ярким, почти что видимым, подчеркнуто конкретным, но оттого не менее образным, в соединении с напевной музыкой Алексея Рыбникова образовали союз талантливый и прочный. Причем зримо здесь не только поэтическое слово, но сама музыка. Оперой сочинение Рыбникова названо не случайно. Любая из современных разновидностей этого старинного вокально-поэтического жанра, в таком множестве расплодившихся на музыкальной и в особенности драматической сцене, так или иначе апеллирует к своему историческому перво-

источнику. В одних случаях это удастся меньше, в других — больше, однако зачастую наш слух ощущает некую искусственность, заданность, ненужную привязанность музыкального языка сегодняшних менестрелей к традиционной форме, оказывающейся для подобной лексики своеобразным прокрустовым ложем и в общем-то заставляющей нас еще острее почувствовать гигантский разрыв между массовостью средств выражения и... совсем иного рода массовостью, точнее — веками выверенной и отшлифованной доходчивостью классических оперных форм. Не то в опере Алексея Рыбникова и Андрея Вознесенского. Изумительной красоты, легкости, изящества мелодии непринужденно и просто ложатся на слух, запоминаются удивительным своеобразием и свежестью — и уже потом, когда не один раз мысленно прозвучат в нашем сознании, вдруг открывают один из своих «секретов»: опору на тот или иной исконно оперный вокальный жанр — ариозо, любовный дуэт, сцену с хором, ламенто, даже молитву (ведь знаменитая «Каста дива» В. Беллини тоже не что иное, как молитва), не говоря уже о песне моряков — какие дивные прообразы тут же приходят на ум, от вагнеровского «Летучего голландца» до перселловской «Дидоны и Энея»... Подобные музыкальные, даже скорее историко-культурные ассоциации возникают при прослушивании этого произведения. Чего стоит один только заключительный гимн — про-светленно-мажорный апофеоз всего драматургического целого оперы — «Аллилуйя» любви, с его традицион-

ными, словно уносящимися в беспредельную высь вокалистами-юбилянтами!

Сочная инструментовка (удачно здесь применены даже «космические» звучания электронного происхождения), продуманная тембровая драматургия, где персонифицирован каждый звук, музыкальный и немзыкальный, где «очеловечен» каждый нюанс реверберационных сполохов, акустических шумов, оригинальное двузвучие словесной партитуры, полифонически сочетающей русский и испанский и выстраивающей из такого сочетания чуть ли не музыкальные стилистические эффекты, — все это опять-таки «работает» на зрелищность, полноту восприятия этого действительно самоценного художественного произведения. Но не буду дальше убеждать Вас в этом, дорогой читатель. Давайте послушаем эту грамзапись. Поставим на проигрыватель пластинку «Юнона и Авось» и войдем в чудесный песенный и поэтический мир, созданный Алексеем Рыбниковым и Андреем Вознесенским...

Т. ДИДЕНКО,
музыковед

«Юнона» и «Авось». Сцены из спектакля театра им. Ленинского комсомола. Фото Л. Луппова

К СВЕЖИМ ВЫМЫСЛАМ НАРОДНЫМ

«Чудесный мальчик» — новая грам-пластинка фирмы «Мелодия» из серии «Сказка за сказкой». Двенадцатая по счету, она завершает третью часть подписного издания, которое с первых выпусков завоевало признание юных слушателей и любителей сказочного жанра. Первая и вторая части серии, в каждой из которых тоже по двенадцать пластинок, включают сказки русских и зарубежных писателей. Третья часть — избранные произведения из золотого фонда народного сказочного творчества. Ее составили записи широко известных арабских, французских, японских, шведских, польских народных сказок. Из русского фольклора в собрание вошли «Сивка-Бурка», «Диво-дивное», «По щучьему велению», «Кот, козел и баран».

На пластинке они обрели новую жизнь в ярких спектаклях с прекрасным музыкальным сопровождением.

Грампластинка «Чудесный мальчик» интересна прежде всего выбором текста сказки. Составители серии обратились к наследию замечательного мастера прозы Андрея Платонова (1899—1951). Писателю глубокой художественной правды и высоким нравственных исканий по самой природе его таланта была присуща обостренная чуткость к народному миропониманию. А. Платонов издал три сборника народных сказок. Последний — «Волшебное кольцо» — вышел в 1950 году под редакцией М. А. Шолохова.

Выразительная краткость и простота, точность и меткость платоновской фразы, емкость характеристик — материал благодатный для артистического прочтения. Но вместе с тем перед исполнителями стояла задача нелег-

кая — вжиться в несколько «жестковатый» настрой пересказа, найти тон, соответствующий стилю литературной обработки.

«В старину было дело: и тогда жили люди...» Этот звучащий с пластинки зачин взят из другой сказки сборника «Волшебное кольцо». Первая фраза как будто обещает некое пространное неторопливое сказание. Однако в голосе рассказчика, лауреата Государственной премии, народного артиста Узбекской ССР Романа Ткачука улавливается озорная интонация. И повествование разворачивается в быстром темпе потешного сказа. С усмешкой сообщает ведущий о незадаче молодого царя Агея. Весь свет объездил — не встретил девицы, какой бы пришел на палец отцовский перстень. Царь-отец завещал невесту по перстню.

Тут включаются в рассказ ведущего новые голоса. «Аль вפורу?» — восклицает Агей. «Вפורу, братец, вפורу», —

